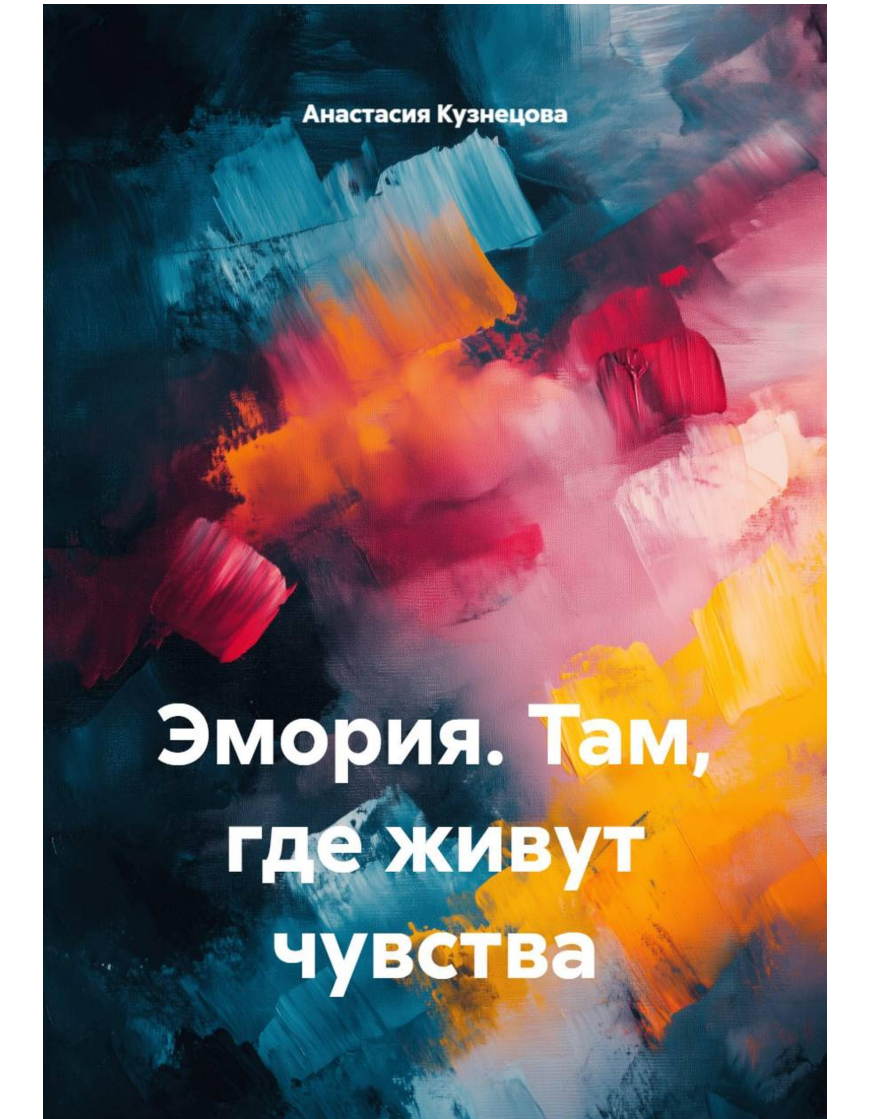

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in a rich palette of deep blues, vibrant oranges, fiery reds, and bright yellows. The composition is dynamic, with thick layers of paint creating a sense of depth and movement. The colors are layered and blended in some areas, while other areas show distinct, energetic strokes.

Анастасия Кузнецова

**Эмория. Там,
где живут
чувства**

Анастасия Кузнецова

Эмория. Там, где живут чувства

<https://litres.ru/74585204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда мы прячем чувства так глубоко, что сами перестаём понимать, где боль, а где мы.

Лена умеет молчать. Быть удобной, незаметной, спокойной. С детства она привыкла не просить о помощи и не говорить о том, что болит. Но непрожитые чувства не исчезают — они ждут.

Однажды паническая атака переносит Лену в Эморию — мир между мирами, где живут тревога, стыд, вина, обида и любовь. Здесь всё, что она годами подавляла, обретает форму. Каждая новая дверь ведёт туда, куда страшнее всего смотреть, — внутрь собственной памяти.

Рядом с Леной оказывается Север, загадочный парень, который тоже ищет путь домой и скрывает свою боль за холодом.

Чтобы выбраться из Эмории, им придётся понять: чувства не делают человека слабым. Слабее становится тот, кто слишком долго запрещает себе чувствовать.

Это история для тех, кто привык держаться из последних сил. О принятии, исцелении и надежде, что после долгого молчания можно снова научиться жить.

Содержание

ГЛАВА 1. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ВСЕГДА МОЛЧАЛА	4
ГЛАВА 2. ПАНИЧЕСКАЯ АТАКА	17
ГЛАВА 3. ДВЕРЬ БЕЗ РУЧКИ	25
ГЛАВА 4. ЭМОРИЯ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анастасия Кузнецова

Эмория. Там, где живут чувства

ГЛАВА 1. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ВСЕГДА МОЛЧАЛА

Я научилась молчать в семь лет.

В тот вечер на кухне разбилась чашка.

Я не видела, как это случилось, — дверь в мою комнату была закрыта, — но слышала всё: короткий мамин вскрик, папин резкий голос, звон осколков по плитке. Потом наступила такая тишина, что я перестала дышать.

В щели под дверью лежала полоска жёлтого света. Она дрожала каждый раз, когда кто-то проходил по коридору. Я сидела на полу, прижимала к груди плюшевого зайца с оторванным ухом и смотрела на эту полоску так, будто от неё зависело, войдут ко мне или нет.

Если не двигаться, меня не заметят.

Если не плакать, меня не услышат.

Если стать совсем тихой, всё закончится быстрее.

Я повторяла это про себя, как заклинание. Не настоящее,

конечно. Тогда я ещё не знала, что некоторые заклинания работают слишком хорошо.

На кухне снова заговорили. Потом крикнули. Потом хлопнула дверца шкафа. Я вздрогнула так сильно, что зубы стукнули друг о друга, и сразу зажала рот ладонью.

Даже всхлип казался предательством.

На следующий день за завтраком мама поставила передо мной новую чашку — белую, без узора. Старая была с синими цветами. Я ничего не спросила. Просто запомнила: если что-то разбивается, об этом не говорят вслух. Просто убирают осколки и живут дальше.

В комнате пахло пылью, старой батареей и яблочным шампунем от моего плюшевого зайца — я недавно пыталась его постирать сама. За окном медленно ползали огни машин. В шкафу что-то тихо щёлкнуло, наверное, от тепла, но мне показалось, будто там кто-то тоже затаил дыхание.

Тогда я впервые поняла: молчание может быть убежищем. Маленьким, тесным, без окон — но убежищем.

Потом мне стало шестнадцать.

Убежище осталось.

* * *

В школе я умела быть незаметной почти профессионально.

Я знала, какая ступенька на лестнице скрипит, и обходила

её. Знала, у какой стены в коридоре меньше всего толкаются. Знала, что если на уроке смотреть не в окно и не прямо на учителя, а чуть ниже — на край доски, — тебя реже вызывают. Я умела открывать пенал без щелчка, двигать стул без скрипа и смеяться тогда, когда смеются все, но так тихо, чтобы никто не решил, будто я хочу участвовать в разговоре.

Учителя говорили, что я «спокойная».

Мама говорила, что я «не доставляю проблем».

Никто не замечал, что спокойствие иногда бывает не характером, а способом не рассыпаться.

На переменах я уходила в библиотеку. Там было место между стеллажом с географией и старым глобусом, у которого стёрлась половина океанов. Если сесть на подоконник и спрятать ноги под себя, из коридора меня почти не видно.

Я читала книги о путешествиях — о морях, островах, пещерах, подводных городах — и думала, что в чужих мирах, наверное, легче дышать. Там хотя бы понятно, чего бояться: шторма, чудовища, пропасти. А не собственного голоса.

В пятницу Кира нашла меня именно там.

Она появилась между стеллажами внезапно, как солнечный зайчик, который пробрался даже туда, где шторы закрыты. На её волосах блестели маленькие заколки-звёзды, в руках была булочка из столовой, а на лице — выражение человека, который уже решил за нас обоих.

— Лена, — сказала она шёпотом, но таким громким, что библиотекарь подняла глаза. — Только не говори «нет» сра-

зу.

Я закрыла книгу пальцем, чтобы не потерять страницу.

— Я ещё ничего не сказала.

— Вот именно. У тебя лицо уже сказало.

Кира плюхнулась рядом на подоконник. От неё пахло мандариновой жвачкой и холодным воздухом с улицы.

— У меня сегодня вечером небольшая вечеринка. Ну, не совсем у меня — у Даши, но я буду там, значит, почти у меня. Приходи хоть на час.

Слово «вечеринка» упало между нами тяжело, как учебник на парту.

Я представила музыку, слишком громкую для стен. Людей, которые говорят сразу со всех сторон. Вопросы: «Почему ты молчишь?», «Тебе скучно?», «Ты всегда такая?» Улыбки, которые нужно возвращать вовремя. Руки, которые не знаешь куда деть.

— Кир...

— Нет, — она подняла палец. — Я знаю этот голос. Это голос «я лучше останусь дома и буду делать вид, что мне так нравится». Но тебе правда нужно иногда выходить.

Я посмотрела на книгу. На странице герой спускался в жерло вулкана, потому что где-то там был путь к центру Земли. Он, конечно, не знал, что найдёт внизу. Но всё равно шёл.

— Там будет много людей?

Кира задумалась.

— Смотря что считать словом «много».

— Кира.

— Человек десять. Ну, пятнадцать. Может, двадцать, если Даня приведёт своих. Но ты будешь со мной. Я тебя не брошу.

Она сказала это легко. Почти между делом. А мне почему-то захотелось поверить.

Я молча согласилась.

Кира просияла так, будто я согласилась не на вечеринку, а на кругосветное путешествие.

— Отлично! Я напишу адрес. И надень что-нибудь не такое... — она окинула взглядом мой серый свитер и запнулась. — Хотя нет. Надень то, в чём тебе удобно.

Когда она убежала, я ещё долго сидела с открытой книгой и не читала. На глобусе рядом со мной была тонкая трещина — она пересекала Африку, уходила в океан и терялась где-то у края. Я провела по ней пальцем и подумала, что некоторые трещины видны сразу. А некоторые проходят внутри и годами делают вид, что их нет.

* * *

Вечером мама заглянула ко мне в комнату без стука, но осторожно — как человек, который не хочет мешать и всё равно мешает.

Она была в рабочей блузке, с распущенными волосами и усталой складкой между бровей. В одной руке держала круж-

ку, в другой — телефон. На экране мигали сообщения.

— Ты собираешься к Кире? — спросила она.

— Да.

Мама улыбнулась. Улыбка получилась слабой, будто ей тоже не хватало сил дойти до конца.

— Хорошо. Я рада, что ты выходишь. Тебе надо больше общаться. Нормальные подростки не сидят всё время дома.

Она сказала это ласково.

Поэтому стало больнее.

Я стояла перед шкафом и перебирала рукава свитеров. Серый. Чёрный. Тёмно-синий. Одежда, в которой удобно исчезать.

— Я не всё время дома, — сказала я тихо.

Мама уже смотрела в телефон.

— Что?

— Ничего.

Она подняла глаза, виновато моргнула.

— Лен, я не хотела... Просто я переживаю. Ты такая закрытая. Мне иногда кажется, я вообще не знаю, что у тебя внутри.

Я хотела сказать: «Я тоже не знаю».

Хотела сказать: «Иногда там так шумно, что я боюсь открыть дверь».

Хотела сказать: «Ты спрашиваешь, но всё время спешишь услышать ответ».

Но привычное молчание поднялось между нами, ровное

и плотное, как стекло.

— Всё нормально, — сказала я.

Эти два слова я произносила лучше всего.

Мама подошла, поправила мне прядь волос у лица.

— Ты красивая, когда не прячешься.

Я не знала, что ответить. Потому что в зеркале видела девочку, которая как раз очень старалась спрятаться: плечи чуть вперёд, рукава натянуты на пальцы, губы сжаты так, будто они охраняют вход в какое-то опасное место.

— Я ненадолго, — сказала я.

— Как хочешь. Только напиши, когда дойдёшь.

Когда мама вышла, я ещё минуту смотрела на дверь. Потом на зеркало.

Моё отражение смотрело обратно. Почти правильно.

Только на секунду мне показалось, что оно моргнуло позже меня.

Я решила, что это от усталости.

* * *

Квартира Даши находилась на девятом этаже. Лифт пах мокрыми куртками, железом и чужими духами. На стене кто-то нацарапал: «Не бойся», а ниже другой рукой было добавлено: «поздно».

Я прочитала это и сразу отвернулась.

Дверь открыла Кира. Музыка выплеснулась в подъезд го-

рячей волной. За её спиной мигали гирлянды, кто-то смеялся, кто-то кричал: «Сделай громче!», по полу катался пластиковый стаканчик.

— Ты пришла! — Кира обняла меня так быстро, что я не успела подготовиться. — Я знала!

Её радость была настоящей. От этого я почувствовала себя ещё более неправильной: нормальный человек должен был бы улыбнуться, расслабиться, войти. Я же стояла на пороге и считала вдохи.

Раз.

Два.

Три.

В квартире пахло сладкой газировкой, пищей, лаком для волос и чем-то подгоревшим. Басы били в грудь, как второе сердце, только чужое и слишком сильное. В прихожей было столько обуви, что я не знала, куда поставить свои ботинки, чтобы никому не помешать.

— Пойдём, познакомлю тебя со всеми, — сказала Кира.

«Со всеми» прозвучало как название опасной страны.

Она взяла меня за руку и потянула в комнату. Там было полутемно, только гирлянды мигали по стенам синим и фиолетовым. На подоконнике сидели две девочки и снимали видео. У стола спорили мальчики. Кто-то передавал колонку из рук в руки, будто от этого музыка могла стать ещё громче.

— Это Лена! — объявила Кира.

Несколько лиц повернулись ко мне.

Не все. Даже не половина.

Но мне показалось, что повернулся весь мир.

— Привет, — сказала девочка с блестящими тенями.

— Привет, — ответила я.

Мой голос был таким тонким, что его почти сразу съела музыка.

— Ты из нашего класса? — спросил кто-то.

— Да.

— Серьёзно? — он засмеялся, но, кажется, не зло. — Я тебя не видел.

Я улыбнулась. Так, как улыбаются, когда не знают, можно ли показать, что фраза попала больно.

Кира сразу начала рассказывать что-то смешное про учителя химии. Все засмеялись. Я тоже попыталась. Смех застрял где-то посередине и вышел коротким выдохом.

Первые десять минут я держалась за Киру, как за поручень в автобусе. Потом кто-то позвал её на кухню. Она наклонилась ко мне:

— Я на секунду. Правда на секунду. Никуда не уходи, ладно?

Я молча согласилась.

Кира исчезла в толпе.

И комната сразу стала больше.

Не физически. Стены остались на месте, диван, стол, гирлянды — всё было там же. Но расстояние между мной и другими людьми вдруг выросло, будто пол под ногами растянул-

ся. Я стояла у шкафа с книгами и не знала, куда смотреть.

На полке лежала маленькая стеклянная фигурка птицы. В свете гирлянды она казалась живой: то синей, то фиолетовой, то почти чёрной. Я смотрела на неё, чтобы не смотреть на людей.

— Ты чего такая тихая? — спросила девочка с блестящими тенями.

Она не хотела обидеть. Наверное.

Но все ближайшие разговоры на секунду стихли.

— Просто... слушаю, — сказала я.

— Кого? — усмехнулся мальчик рядом.

И тут я поняла, что правда слушаю.

Только не их.

Под музыкой был другой звук. Низкий, почти незаметный. Как будто где-то далеко тянули по полу тяжёлую мебель. Или закрывали огромную дверь.

Я не сразу поверила.

Звук исчез.

— Мне надо в ванную, — сказала я.

Не знаю, услышал ли кто-нибудь.

Я прошла по коридору, стараясь не задевать плечами стены. В ванной было тесно и слишком светло. На стиральной машине стояли чужие духи, резинки для волос, стакан с зубными щётками. Из-под двери просачивалась музыка, глухая и липкая, будто её завернули в мокрое полотенце.

Я включила воду и подставила запястья под холодную

струю.

— Всё нормально, — сказала я отражению.

Отражение повторило движение губ.

Почти сразу.

Я наклонилась ближе.

В зеркале я выглядела бледнее, чем в жизни. Глаза слишком тёмные. Рот — тонкая линия. А за моим плечом отражалась дверь.

На двери в зеркале были слова.

Я резко обернулась.

Настоящая дверь была пустой. Белая краска, царапина у ручки, наклейка с нарисованным котом.

Я снова посмотрела в зеркало.

Слова проступали медленно, будто кто-то писал их пальцем по запотевшему стеклу: СКАЖИ.

Я отступила.

Вода всё ещё текла. Тонкая струя ударяла в раковину с таким звуком, будто кто-то быстро шептал одно и то же слово.

Скажи.

— Нет, — прошептала я.

Лампочка над зеркалом мигнула.

На секунду вместо своего лица я увидела девочку семи лет: сидит на полу, прижимает к груди плюшевого зайца, смотрит на полоску света под дверью и не дышит.

Потом отражение снова стало моим.

Я выключила воду и выскочила из ванной.

В коридоре было ещё громче, чем раньше. Или мне так казалось. Смех распадался на куски, музыка толкалась в висках, гирлянды мигали слишком быстро. Я попыталась найти Киру, но лица перемешивались, как картинки в калейдоскопе.

Телефон завибрировал в кармане.

Я достала его, думая, что это мама или Кира.

На экране не было имени.

Только одно сообщение: ТЫ ЗДЕСЬ.

Я застыла.

Экран погас. В чёрном стекле отразилась комната — и за моей спиной, между танцующими тенями, что-то тёмное и высокое.

Я резко обернулась.

Ничего.

Только люди. Музыка. Гирлянды. Чужой смех.

Но в груди уже поднималось знакомое чувство: воздух есть, а вдохнуть нельзя. Горло сужается. Пальцы холодеют.

Я пошла к выходу.

Сначала медленно, чтобы никто не заметил. Потом быстрее. В прихожей я не сразу нашла свои ботинки среди чужой обуви. Руки дрожали, шнурки не слушались. Кто-то крикнул из комнаты:

— Лен, ты куда?

Я не поняла, был ли это голос Киры или просто музыка сложилась в её имя.

— Домой, — сказала я.

Но дверь уже открылась.

Подъезд встретил меня холодом и запахом пыли. На лестничной площадке мигала лампа. Раз. Два. Пауза. Три. Как будто кто-то подавал сигнал.

Я нажала кнопку лифта, но табло над дверью показало не цифру.

СНАЧАЛА СКАЖИ.

Я отдёрнула руку.

Лампа мигнула снова. Где-то ниже, в лестничном пролёте, раздался долгий низкий звук. Не совсем вой. Скорее зов, который слишком долго ждал ответа.

Я бросилась вниз по лестнице.

На улицу я вылетела почти бегом. Ночной воздух ударил в лицо, но легче не стало. Двор был знакомым: качели, мусорные баки, мокрый асфальт, жёлтые окна. И всё же что-то в нём сдвинулось на полшага в сторону.

Тени от деревьев лежали не туда, куда падал свет фонарей.

На стекле подъездной двери проступал след ладони — изнутри.

А где-то вдалеке снова раздался тот звук.

Долгий.

Тоскливый.

Голодный.

Что-то почувствовало, что я здесь.

И начало охоту.

ГЛАВА 2. ПАНИЧЕСКАЯ АТАКА

Я не помню, как оказалась на улице. Помню только, что бежала — и что город вокруг переставал быть собой.

Я бежала.

Я уже не понимала, бегу ли по улице или внутри собственного страха. Асфальт блестел, будто после дождя, хотя дождя не было. Фонари мигали один за другим, и в каждом их жёлтом круге тени казались длиннее, чем должны были быть.

Улицы были пустыми, но не тихими. Из-под земли тянулось шёпот. Дома скрипели, как старые корабли. За каждым углом кто-то дышал — медленно, терпеливо, будто ждал, когда я остановлюсь.

Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы онемели, колени стали ватными, а воздух словно превратился в стекло: я вдыхала его, но он не доходил до лёгких.

«Сейчас всё оборвётся».

«Сердце остановится».

«Никто не найдёт тебя здесь».

Я споткнулась, упала на ладони — кожа вспыхнула горячей болью, в царапины забилась серая пыль. Я поднялась, почти не чувствуя ног, и снова побежала. Дома по обе стороны улицы вытягивались вверх, наклонялись надо мной, сближались крышами, будто хотели захлопнуться. Небо темнело не сверху, а изнутри — как вода, в которую пролили чернила.

И вдруг улица оборвалась.

Передо мной выросла стена. Огромная, чёрная, холодная даже на расстоянии. Она уходила вверх, туда, где раньше было небо, и по её поверхности светились слова — сотни, тысячи фраз, нацарапанных чужими руками и, кажется, моим собственным сердцем:

«Я задыхаюсь».

«Помогите».

«Никто не понимает».

«Я не могу дышать».

Я прижалась спиной к стене, съехала на землю. Обхватила колени руками. Дышала — часто, поверхностно, но воздух не доходил до лёгких. В глазах темнело.

«Ты исчезаешь».

«Сейчас всё оборвётся».

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет...

Вой раздался совсем близко.

Я подняла голову.

Из-за угла выползло Оно.

Оно было огромным — тёмным, текучим, будто ночь научилась ползти. У него не было чёткой формы: клубящаяся масса, то похожая на дым, то на тень, то на провал в самой ткани мира. И глаза. Сотни красных глаз раскрывались и гасли в его темноте, как угли под пеплом.

Оно смотрело на меня.

И говорило. голосом, слишком похожим на мой собствен-

ный.

— Ты всегда знала, что это случится, — сказала Оно. — Что однажды ты не справишься. Что страх станет слишком большим. И ты сломаешься.

— Уйди, — прошептала я, хотя знала: оно услышит даже мысль.

— Я не могу уйти, — Оно ползло ближе. — Я часть тебя. Я твоя паника. Твоя тревога. Твой страх, которому ты слишком долго не давала имени. Ты создала меня. Каждый раз, когда молчала. Каждый раз, когда прятала то, что чувствовала.

Оно было в метре от меня. Я чувствовала холод, исходящий от него. Запах пепла и чего-то кислого.

— Ты накормила меня, — сказала Оно. — И теперь я голоден. Всегда голоден.

Оно протянуло ко мне что-то похожее на руку — длинное, тёмное, с когтями.

Я перестала сопротивляться.

«Сейчас всё оборвётся.»

— Отойди от неё! — крикнул чей-то голос.

Мир вернулся резко, как удар.

Между мной и монстром стоял он. Тот парень из переулочка. Светлые волосы растрепались, лицо было бледным, но в руках у него горел огонь. Живой, тёплый, золотой.

— Ты не можешь забрать её, — сказал он монстру. — Она ещё не сдалась.

Монстр зарычал.

— Она уже сдалась. Смотри на неё. Она даже не дышит.

Парень обернулся ко мне. Присел на корточки.

— Эй, — сказал он тихо. — Послушай меня. Это паническая атака. Понимаешь? Просто атака. Она пройдёт. Ты не исчезаешь.

— Я... не могу дышать, — выдохнула я.

— Можешь. Просто медленнее. Смотри на меня. Вдох. Раз, два, три, четыре. Задержи. Выдох. Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Я смотрела на него. На его серые глаза. На огонь в его руках.

Вдох. Раз, два, три, четыре.

Выдох.

Ещё раз.

Ещё.

Сердце начало биться медленнее. Воздух доходил до лёгких.

Монстр взвыл и отступил на шаг.

— Хорошо, — сказал парень. — Ещё раз. Ты справляешься.

Я дышала. Считала. И монстр становился меньше. Бледнее. Его глаза гасли один за другим.

— Ты... ты его убиваешь? — спросила я хрипло.

— Нет, — он покачал головой. — Я не могу его убить. Он твой. Но когда ты дышишь, когда ты здесь, с собой —

он теряет силу. Становится тем, кем должен быть. Просто чувством. Не монстром.

Я посмотрела на существо. Оно уже было в два раза меньше. Съёжилось, дрожало.

— Он вернётся? — спросила я тихо.

— Да, — парень встал, протянул мне руку. — Но не сейчас. Пойдём. Здесь небезопасно оставаться.

Я взяла его руку. Он поднял меня.

— Кто ты? — спросила я.

Он усмехнулся.

— Илья. Но здесь меня зовут Север.

— Почему?

— Потому что я холодный. Или был. Не помню уже.

Мы пошли прочь от стены, от монстра. Я оглянулась — существо сидело на земле, маленькое, жалкое, и выло тихо, как раненый зверь.

— Мне его жаль, — сказала я неожиданно для себя.

Север посмотрел на меня удивлённо.

— Почему?

— Потому что он просто боится. Как я.

Север молчал. Потом кивнул.

— Может быть, ты права.

Мы шли по улицам, и город менялся с каждым поворотом. То дома становились ниже, то вдруг вырастали так высоко, что верхушек не было видно. На стенах проступали рисунки — лица, руки, слова.

— Что это за место? — спросила я.

— Эмория, мир между мирами. Сердце Эмории – Эмпатия, город в котором живет любовь. Можно называть это место двумя именами и оба будут верными — ответил Север.

— Сюда попадают чувства, которые люди не могут или не хотят проживать. Страх. Тревога. Стыд. Вина. Они не исчезают. Они приходят сюда. И становятся реальными.

— Значит, тот монстр...

— Твоя паника. Да. Она была с тобой всегда. Просто ты её не видела.

Я обняла себя руками.

— И как мне отсюда выйти?

Он остановился. Посмотрел на меня долго.

— Пройти, — сказал он тихо. — Через всё, от чего ты бежала. Встретиться с каждым монстром. С каждым чувством. И принять его. Не победить. Принять.

— А если я не смогу?

Он не ответил. И это был ответ.

Мы пришли к небольшой площади. В центре был фонтан, но вместо воды из него текло что-то похожее на жидкий свет — золотой, тёплый. Вокруг стояли фигуры — почти прозрачные, мерцающие.

— Это Хранители, — сказал Север. — Те, кто остался здесь, но не потерял себя. Они помнят любовь. И защищают этот свет.

Я подошла к фонтану. Опустила руку в свет. Он был тёп-

лым, приятным. Тяжесть в груди стала легче.

— Здесь безопасно, — сказал Север. — Ненадолго. Можешь отдохнуть.

Я села на край фонтана. Посмотрела на него.

— Ты тоже застрял здесь?

Он кивнул.

— Давно?

— Не знаю. Время здесь не работает так, как у вас. Может, месяц. Может, год.

— И ты не можешь выйти?

Он отвернулся.

— Не хочу, — сказал он тихо. — Там, в реальном мире, я пытался... — он замолчал.

— Что?

— Уйти. Навсегда. Но в последний момент испугался. И каким-то образом оказался здесь.

Мне стало холодно.

— И ты жалеешь, что не...

— Нет, — он обернулся быстро. — Нет. Теперь я жалею, что пытался. Но не могу простить себе то, что хотел.

Я встала. Подошла к нему.

— Ты спас меня, — сказала я. — От монстра. Значит, ты не плохой. Значит, ты достоин прощения.

Он посмотрел на меня — долго, как будто видел впервые.

— Может быть, — прошептал он.

И в этот момент площадь вздрогнула. Свет в фонтане за-

колебался. Хранители замерли.

— Что происходит? — спросила я.

Север поднял голову. Лицо стало жёстким.

— Кто-то идёт. Кто-то большой.

— Кто?

Он посмотрел на меня. И в его глазах был страх.

— Тот, кто ест чувства.

ГЛАВА 3. ДВЕРЬ БЕЗ РУЧКИ

Каждый наш шаг отдавался в воздухе, будто мы бежали внутри огромного пустого барабана. Север держал меня крепко, но не больно. Я оглянулась только раз. Там, где только что была улица, теперь раскрывалась темнота. Она не просто наступала — она стирала: фонарь, скамейку, вывеску, след моей ноги на пыльном асфальте.

Мы бежали по улицам, и позади нас рушился мир — не сразу, а кусками, словно кто-то вырывал из него страницы.

Север не просто бежал. Он слушал дорогу. Касался двумя пальцами стен, фонарных столбов, самого воздуха — и будто ждал ответа.

— Здесь проходы не всегда там, где их видишь, — бросил он через плечо. — Иногда дорога появляется только после того, как признаёшь, куда на самом деле боишься идти.

Дома осыпались в чёрную пыль. Асфальт раскрывался трещинами, из которых тянуло ледяным воздухом. Небо скручивалось в тёмную спираль, и из этой спирали шло Оно — огромное, безликое, голодное до всего, что человек однажды запретил себе чувствовать.

— Что это?! — крикнула я.

— Пустота! — Север тащил меня за руку. — Когда человек перестаёт чувствовать совсем — она приходит! И забирает всё!

Мы свернули в переулок. Север остановился у стены, приложил к ней ладонь. Из его руки брызнул свет, и в стене появилась дверь.

— Входи! — он толкнул меня внутрь, и мы провалились в темноту.

Мы рухнули на что-то мягкое. Под ладонями оказался прохладный ворс, пахнувший пылью и дождём. Комната была маленькой и пустой, с голыми стенами — и в ней была одна дверь напротив. Старая, деревянная, без ручки.

— Где мы? — спросила я, поднимаясь.

Север прислонился к стене, дышал тяжело.

— В промежутке. Между чувствами. Пустота не может сюда. Здесь нет ничего, что она могла бы забрать.

Я огляделась. Комната была странной — она не имела углов. Стены перетекали одна в другую плавно, как в каком-то сне.

— А эта дверь? — я кивнула на дверь без ручки.

Север посмотрел на неё и отвернулся.

— Выход. Для тех, кто прошёл весь путь.

— Ты пробовал открыть?

— Много раз.

— И?

Он провёл рукой по волосам.

— Она не открывается. Потому что я ещё не готов.

Я подошла к двери. Положила на неё ладонь. Дерево было тёплым, живым. Я чувствовала, как под ладонью что-то

пульсирует — медленно, ритмично.

— Она живая, — прошептала я.

— Все двери в Эмории живые, — сказал Север. — Они реагируют на то, что ты чувствуешь.

Я прижала ладонь к груди и попыталась найти под страхом что-нибудь своё. Дом. Мамин голос за стеной. Шершавый край подоконника в моей комнате.

Дверь дрогнула.

Я не знала, что сказать. Ни одной правильной фразы. Только то, что годами лежало внутри и не имело права выйти наружу. И я сказала это — тихо, как будто в темноте, где никто не слышит.

На ней начали прорасти линии — тонкие, светящиеся, складывающиеся в узор. Я узнала его. Это были линии моей ладони. Моего сердца.

— Как ты это делаешь? — Север стоял рядом, смотрел на дверь с изумлением.

— Я не знаю. Просто... думаю о доме.

Линии становились ярче. И вдруг на двери появилась ручка. Маленькая, золотая.

Я потянулась к ней.

— Стой! — Север схватил меня за запястье. — Ты не можешь открыть её сейчас.

— Почему?

— Потому что ты ещё не прошла. Если откроешь эту дверь раньше времени — она выведет тебя не домой. Она

выведет туда, где живёт то, от чего ты больше всего бежишь.

Я убрала руку. Ручка исчезла.

Мы сели на пол, прислонившись к противоположной стене.

— Сколько времени мы можем здесь оставаться? — спросила я.

— Не знаю. Час. День. Пока Пустота не уйдёт.

Мы сидели в тишине. Я смотрела на дверь, и мне хотелось открыть её. Просто открыть и выйти. Плевать, что там. Лишь бы не здесь.

Но я боялась.

— Север, — позвала я тихо.

— Мм?

— Ты сказал, что пытался... уйти. В том мире. Почему?

Он долго молчал. Потом вздохнул.

— Потому что устал чувствовать. Всё время. Слишком много. Слишком сильно. И никто не понимал. Говорили: «Просто перестань грустить». Как будто это переключатель, который можно щёлкнуть.

Я кивнула — чуть заметно, почти не поднимая глаз. Я понимала.

— А теперь?

— Теперь я здесь. Где чувства — это всё, что есть. И я понимаю, что убегал не от них. Убегал от себя.

Я подняла на него взгляд.

— И что теперь?

Он улыбнулся — грустно.

— Теперь пытаюсь найти путь обратно. К себе.

Мы сидели ещё долго. Говорили. О жизни, о страхах, о том, каково это — быть невидимым. Я рассказала ему про маму, про школу, про то, как я всегда чувствую себя лишней.

Он слушал. Не перебивал. Не говорил, что я преувеличиваю.

И впервые за много лет мне было не страшно говорить.

— Лена, — сказал он вдруг. — Ты не лишняя. Ты просто другая. И в этом нет ничего плохого.

У меня защипало глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже другой. И я долго думал, что со мной что-то не так. Но здесь... здесь я понял. Быть другим — это не сломленность. Это просто другой способ быть.

Я вытерла глаза.

— Спасибо.

Он пожал плечами.

— Не за что.

Снаружи что-то грохнуло. Стены дрогнули.

— Пустота уходит, — сказал Север. — Скоро сможем выйти.

— И куда мы пойдём?

Он встал, протянул мне руку.

— В города. Твоих чувств. Сначала в Город Тревоги. Потом в Зеркальный Дом Стыда. Потом дальше. Пока ты не

пройдёшь всё.

Я взяла его руку.

— А ты пойдёшь со мной?

— Да, — он сжал мою ладонь. — До конца.

Мы подошли к двери без ручки. Теперь она была снова гладкой, пустой.

— Когда-нибудь я открою её, — сказала я тихо.

— Откроешь, — кивнул Север. — И я буду рядом.

Мы развернулись к другой стене. Север снова приложил ладонь, и появилась новая дверь. Он открыл её.

За ней был город. Огромный, шумный, пульсирующий.

Город Тревоги.

— Готова? — спросил Север.

Я подняла на него взгляд. Потом на город.

— Нет, — призналась я. — Но пойду.

Он улыбнулся.

И мы вошли.

ГЛАВА 4. ЭМОРИЯ

На краю площади стояли лавки. Не торговые палатки из моего мира, а живые, скрипучие домики на тонких деревянных ногах.

Один продавец взвешивал на бронзовых весах чужие обещания — они выглядели как маленькие светлые камешки. Другой латал треснувшие воспоминания серебряной нитью. Третья, старуха с глазами цвета утреннего тумана, продавала стеклянные пузырьки с надписями: «первый смех», «запах дома», «слово, которое не успели сказать».

— Здесь всё настоящее? — спросила я.

Мимо нас проехала тележка, гружёная тёплым светом. Свет перекачивался в ней, как вода, и от него по мостовой ложились длинные золотые полосы. Возчик в широкой шляпе кивнул нам, будто мы тут были не первые и не последние.

— Настоящее по-своему, — ответил Север. — В твоём мире вещи можно потрогать руками. Здесь некоторые вещи трогают тебя первыми.

Эмория не была красивой в привычном смысле. Она была слишком живой. Здесь даже камни будто помнили что-то прикосновения, а ветер приносил не только запахи, но и обрывки чужих переживаний: смех, всхлип, недосказанное «прости», тяжёлое молчание после ссоры.

Я впервые поняла: чувства не исчезают, когда их прячут.

Они куда-то уходят. И, возможно, приходят сюда.

Мы вышли на большую площадь, и я остановилась, замедив.

Город раскрылся сразу во все стороны — шумный, живой, многослойный. Не руины и не пустые улицы, а настоящий мир, который двигался, дышал и, кажется, замечал каждый мой шаг.

Здания здесь были высокими, но странными. Одно выглядело как собор из цветного стекла, и внутри него пульсировал мягкий розовый свет. Другое напоминало башню из книг — тысячи книг, сложенных друг на друга, и на их страницах двигались буквы. Третье было соткано из музыки — я видела ноты, застывшие в воздухе, образующие стены и крышу.

По улицам ходили... существа.

Они были почти прозрачными, мерцающими. Некоторые светились изнутри — золотым, голубым, зелёным. Другие были тусклыми, серыми. Они двигались медленно, плавно, как будто плыли под водой.

— Что это? — прошептала я.

— Эмория, — ответил Север. — Сердце Эмпатии. Место, где живут чистые эмоции. Не подавленные. Не искажённые. Просто чувства в их истинной форме.

Я сделала шаг вперёд. Одно из существ проплыло мимо меня — маленькое, размером с ребёнка. Оно посмотрело на меня большими глазами без зрачков и улыбнулось.

И я вдруг почувствовала тепло. Мягкое. Нежное. Как объ-

ятие.

— Это радость, — сказал Север тихо. — Детская радость. Чистая. Без причины.

Существо проплыло дальше, и тепло исчезло.

Я огляделась. Площадь была полна этих созданий. Большие и маленькие. Яркие и тусклые. Они двигались, взаимодействовали друг с другом — касались, отталкивались, сливались на мгновение и снова разделялись.

— Они живые? — спросила я.

— В каком-то смысле. Это эмоции, которые люди испытывают прямо сейчас. В реальном мире. Каждое чувство рождает здесь отголосок.

Он повёл меня через площадь. Мы прошли мимо фонтана — но вместо воды из него лилась музыка. Тихая, печальная мелодия. Вокруг фонтана сидели серые существа с опущенными головами.

— Печаль, — пояснил Север. — Она любит это место.

Дальше была арка, увитая святающимися лианами. Из-под неё доносился смех — лёгкий, звонкий.

— А там?

— Счастье. Оно редко бывает здесь надолго. Приходит и уходит.

Мы свернули в узкую улочку. Здания здесь стояли ближе друг к другу, и свет стал тусклее.

— Север, — я догнала его. — Если здесь живут все эмоции... значит, здесь есть и любовь?

Он замедлил шаг. Кивнул.

— Да. Но любовь живёт отдельно. В самом центре Эмо-
рии. Туда трудно добраться.

— Почему?

— Потому что, чтобы дойти до любви, ты должна пройти
через всё остальное. Страх. Стыд. Вину. Гнев. Обиду. Всё,
что стоит на пути.

Я остановилась.

— А ты прошёл?

Он не обернулся. Просто стоял, глядя вдаль.

— Нет. Я застрял на вине.

— Но ты помогаешь мне. Значит, ты не совсем потерян.

Он повернулся. Посмотрел на меня — долго, с чем-то по-
хожим на благодарность.

— Может быть.

Мы шли дальше. Улица вела вниз, под землю. Свет исче-
зал. Воздух становился холоднее.

— Куда мы идём? — спросила я.

— К первой двери. Там, где живёт твой главный страх.

У меня сжалось сердце.

— А что, если я не хочу встречаться с ним?

Север остановился у низкого входа в туннель. Обернулся.

— Тогда он будет охотиться на тебя. Вечно. Лена, ты не
можешь убежать от своих чувств. Ты можешь только пройти
через них. Это единственный способ.

Я посмотрела в тёмный вход. Из него тянуло холодом и

запахом... пустоты.

— Я боюсь, — прошептала я.

— Знаю, — он шагнул ближе, положил руку мне на плечо.

— Но ты не одна. Я буду рядом. До тех пор, пока смогу.

Я подняла на него взгляд. На его бледное лицо. Серые глаза, полные своей собственной боли.

— Спасибо, — сказала я тихо.

Он кивнул.

И мы вошли в туннель.

* * *

Внутри было темно.

Не так, как бывает ночью, когда глаза постепенно привыкают и из темноты проступают углы, стены, пол. Здесь темнота словно не хотела, чтобы к ней привыкали. Она лежала в коридоре плотными слоями, и свет из трещин в стенах едва-едва царапал её изнутри.

Мы шли медленно. Каждый шаг отдавался гулким эхом, но эхо возвращалось не сразу. Сначала звук уходил вперёд, терялся где-то в глубине, а потом возвращался другим — тише, старше, будто это шагал уже не ты, а кто-то, кто давно прошёл здесь до тебя.

Стены были странными. Не каменными. Тёплыми, чуть мягкими, как ладонь человека, который слишком долго держал что-то внутри. По ним, под самой поверхностью, про-

бегали тусклые огоньки. Иногда они складывались в лица, иногда — в комнаты, иногда — в расплывчатые силуэты за дверями.

Я не удержалась и коснулась стены кончиками пальцев.
Она вздрогнула.

Перед глазами на миг вспыхнула чужая кухня: синяя ска-терть, чашка с трещиной, чьи-то руки, сжимающие письмо. В нос ударил запах кипящего молока. Кто-то всхлипнул — совсем рядом, хотя рядом не было никого.

Я отшатнулась.

— Не трогай долго, — быстро сказал Север.

Он не схватил меня за руку, но шагнул ближе, будто успел испугаться раньше меня.

— Что это было?

— Стены памяти. Здесь в них впитано всё, что люди не смогли оставить позади. Если удержишься, провалишься в чужое воспоминание. А выбраться из чужой боли труднее, чем из своей.

Я спрятала руку в рукав. Пальцы всё ещё пахли молоком и бумагой, хотя это было невозможно.

— Почему это место здесь? — спросила я.

Север не сразу ответил. Мы прошли ещё несколько шагов, и коридор будто прислушался к моему вопросу: стены дрогнули, огоньки под ними стали ярче.

— Потому что ты пришла не просто посмотреть на Эмо-рию, — сказал он наконец. — Ты пришла туда, где спрятан-

ное перестаёт быть спрятанным.

Мне захотелось остановиться.

Я уже знала, что будет дальше. Не словами — телом. Где-то под рёбрами сжался старый холодный комок, тот самый, который жил во мне так давно, что я иногда принимала его за часть себя.

Коридор расширился.

Сначала стены разошлись неохотно, будто их раздвигали изнутри. Потом темнота отступила, и мы вышли в огромный круглый зал.

Высоко над нами поднимался купол. Он был похож на внутреннюю сторону закрытого глаза: гладкий, тёмный, с тонкими прожилками света. В этих прожилках медленно двигались обрывки картин — чей-то детский смех, лестничная площадка, мокрая варежка, письмо без подписи. Всё это появлялось на секунду и гасло.

Посреди зала стоял постамент.

На нём — зеркало.

Огромное, выше двери, в раме из чёрного металла. Узор на раме сначала показался мне просто красивым: завитки, линии, тонкие острые листья. Но когда я подошла ближе, поняла, что это не листья. Это были фразы. Застывшие, перекрученные, наложенные друг на друга так плотно, что прочитать их было почти невозможно.

Почти.

«Не мешай».

«Не проси».

«Будь удобной».

«Молчи, так безопаснее».

Я остановилась.

— Что это? — спросила я, хотя уже не хотела знать ответ.

— Зеркало Правды, — сказал Север.

Его голос стал тише.

— Оно показывает то, что ты прячешь от себя.

— А если я не хочу смотреть?

— Тогда оно будет ждать.

— Долго?

Север посмотрел на зеркало, и в его лице мелькнуло что-то такое, что он сразу спрятал.

— Сколько нужно.

Я подошла ближе.

Пол под ногами был холодным. От зеркала не веяло ни магией, ни угрозой. Оно просто стояло и ждало — спокойное, терпеливое, как кто-то, кто давно знает правду и не собирается спорить.

Сначала в нём появилось обычное отражение.

Я. Бледное лицо. Тёмные волосы. Серые глаза. Рукава, натянутые почти до пальцев. Плечи, чуть поданные вперёд, словно я даже здесь пыталась занимать меньше места.

Потом отражение дрогнуло.

И я оказалась в детском саду.

Не увидела — именно оказалась. Под ногами был жёсткий

линолеум с жёлтыми квадратами. В воздухе пахло кашей, влажными колготками и пластилином. Где-то воспитательница говорила: «Играйте дружно», но её голос был далеко, будто за толстым стеклом.

Мне было шесть.

Я стояла в углу, прижавшись спиной к стене. Другие дети строили башню из кубиков. Один мальчик смеялся так громко, что у меня звенело в ушах. Девочка с красными бантиками позвала кого-то по имени, но не меня.

Я хотела подойти.

Даже сделала маленький шаг.

И тут одна из девочек повернулась. Просто посмотрела. Ничего не сказала. Но я уже всё поняла — так, как умеют понимать дети, которым ещё никто ничего не объяснил.

Не надо.

Не сейчас.

Не к ним.

Я вернулась в угол.

Зеркало дрогнуло.

Теперь я сидела в классе.

На парте передо мной лежали две тетради, две ручки, два учебника. Место рядом было пустым. Учительница стояла у доски и улыбалась слишком бодро.

— Кто хочет сесть с Леной?

Тишина стала такой громкой, что я слышала, как кто-то на задней парте щёлкнул колпачком ручки.

Один мальчик опустил глаза. Девочка рядом с ним быстро открыла учебник, будто там внезапно появилось что-то важное. Кто-то хихикнул, но сразу притворился, что кашляет.

Учительница всё ещё улыбалась.

Я тоже улыбнулась.

Такой маленькой улыбкой, которая должна была показать: ничего страшного, мне всё равно, я привыкла.

Но внутри что-то тихо сложилось пополам.

Картинка сменилась.

Комната. Моя кровать. Телефон в руках.

Экран светился в темноте. Я написала: «Привет. Как дела?»

Отправила.

Сначала были две серые галочки. Потом они стали синими.

Я ждала.

Пять минут.

Десять.

Полчаса.

На экране на секунду появились три точки: кто-то набирает ответ.

Я перестала дышать.

Точки пропали.

Комната стала ещё тише. Где-то в стене щёлкнула труба. Я положила телефон экраном вниз, потом снова перевернула. Ничего. Ни сообщения, ни звонка, ни даже случайной

ошибки.

Я написала ещё одну фразу. Стерла.

Написала: «Ты здесь?»

Стерла и это.

Зеркало потемнело.

Последняя картинка пришла не сразу.

Сначала — музыка. Глухой бас в груди. Сладкий запах газировки. Чужие духи. Фиолетовые гирлянды, которые мигали слишком быстро.

Вечеринка у Киры.

Комната была полна людей. Они смеялись, спорили, передавали друг другу стаканы, наклонялись друг к другу так близко, будто между ними существовал особый язык. Я стояла посреди всего этого и не могла понять, куда деть руки.

Кира была где-то рядом. Потом уже не рядом.

Кто-то задел меня плечом и не заметил.

Кто-то сказал: «Она всегда такая тихая?»

И я стояла там, слышала своё имя в чужом голосе и чувствовала, как становлюсь прозрачной. Не потому что меня никто не видел. Хуже. Потому что меня видели — и всё равно проходили мимо.

Зеркало погасло.

Я стояла перед ним в настоящем зале, но ноги дрожали так, будто я всё ещё была в каждом из этих мест сразу: в детском саду, в классе, в комнате с телефоном, на вечеринке.

— Хватит, — прошептала я.

Зеркало ответило тишиной.

Потом поверхность его почернела, как вода в глубоком колоде.

Из этой тьмы поднялась фигура.

Сначала я подумала, что это снова та высокая бесформенная тень. Длинные руки, размытые края, тело без настоящих границ. Но чем ближе она подходила, тем яснее я видела: у неё были мои плечи. Моя привычка чуть наклонять голову. Мои руки, спрятанные в рукава.

И мой голос.

— Ты всегда знала, — сказала тень.

Я отступила.

— Не подходи.

— Ты знала ещё тогда, в углу детского сада. Просто потом научилась называть это по-разному. Скромность. Тишина. Осторожность.

Она наклонилась ближе.

Лица у неё не было полностью. Только бледное пятно, похожее на моё отражение в запотевшем стекле.

— Но правда проще, Лена. Ты боишься, что если подойдёшь — тебя не выберут. Если напишешь — тебе не ответят. Если заговоришь — станет только хуже.

У меня перехватило дыхание.

— Нет.

Слово прозвучало слабо. Тень будто даже не услышала.

— Ты удобная, когда молчишь, — продолжила она. — Те-

бя легче любить, когда ты ничего не просишь. Когда не занимаешь места. Когда сама делаешь вид, что тебе не больно.

Север шагнул ко мне.

Я услышала его шаг — один, резкий.

Но между нами вдруг поднялась прозрачная стена. Не стеклянная. Скорее из воздуха, который стал твёрдым. Север ударил по ней ладонью, и по залу пошла тихая дрожь.

— Лена! — крикнул он.

Тень даже не повернулась.

— Он не пройдёт, — сказала она. — Это не его зал.

Я обернулась к Северу. Он стоял совсем близко, но будто по другую сторону воды. Его лицо было напряжённым.

— Я не могу войти за тебя, — сказал он. — Но я здесь. Слышишь? Я здесь.

— Помоги мне, — выдохнула я.

Он прижал ладонь к невидимой преграде.

— Не спорь с ней. Страх любит спор. Он становится больше от каждого «нет». Назови то, что он говорит. Назови — и посмотри, останется ли это всей правдой.

Тень вытянула руку.

Холод коснулся моей щеки, хотя пальцы ещё были в нескольких сантиметрах. Я отступила, споткнулась о край постамента и упала на пол. Камень больно ударил по ладони. Внутри меня всё сжалось в привычное маленькое место.

Стать тихой.

Стать незаметной.

Переждать.

Я вжала ладони в уши, но это не помогло. Голоса просачивались между пальцами, как холодная вода.

«Ты никому не нужна».

«Если ты исчезнешь из разговора, всем станет легче».

«Ты стоишь рядом, но никогда внутри».

«Тебя замечают только тогда, когда с тобой что-то не так».

«Не проси. Не говори. Не надейся».

— Хватит, — прошептала я.

Голоса стали громче.

— Хватит!

Они не остановились.

Тень нависла надо мной, огромная, и теперь она была не просто передо мной — она была вокруг. В зале потемнело, свет в куполе погасал прожилка за прожилкой. На раме зеркала зашевелились фразы. Они выползали из металла, как тонкие чёрные нити, тянулись ко мне и обвивали запястья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.